

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Прозоров, Лев Рудольфович.

П79 Евпатий Коловрат. Легендарный воевода / Лев Прозоров. —
Москва : Алгоритм, 2017. — 224 с. — (Главная кинопреьера года).

ISBN 978-5-906914-17-0

К премьерe фильма «Легенда о Коловрате»!

1237 год от Рождества Христова. Погибельная зима Батыева нашествия. Рязанский воевода Евпатий, ездивший за подмогой, возвращается на руины родного города. На руины собственной жизни... Если твой дом превратился в пепелище, если мертв государь, которому ты служил, и все, кто был тебе дорог, если сам Бог, в которого ты верил, отвернулся от тебя и твоей земли, — где искать помощи? И не пора ли вспомнить, что носишь совсем не христианское, а древнее языческое прозвище?

Летописи сообщают об отряде Евпатия Коловрата невероятные вещи: оказывается, татары считали, что против них поднялись мертвые, — неужели обычная партизанщина могла так напугать прошедших полмира головорезов? И почему, чтобы одолеть русских «храбров», завоевателям пришлось бросить против малой дружины Коловрата тысячи своих лучших воинов — сотня против одного?

В кого превратился последний воевода мертвого города, если враги смогли убить его лишь с помощью стенобитных машин? Кто откликнулся на его зов и пришел к нему на помощь? И что на самом деле случилось на Русской земле смертной зимой 1237 года?

Читайте новый роман популярного историка, автора бестселлеров «Русь языческая» и «Святослав Храбрый — русский бог войны»!

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906914-17-0

© Прозоров Л., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА ГОДА

Прозоров Лев Рудольфович

**ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ
ЛЕГЕНДАРНЫЙ ВОЕВОДА**

Редактор *Е.О. Мигунова*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.03.2017.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906914-17-0

9 785906 914170 >

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ЕВПАТИЙ

<i>Глава 1.</i> Мертвый город	8
<i>Глава 2.</i> Медведь-Камень	40
<i>Глава 3.</i> Пертов угор	58

Часть II. КОЛОВРАТ

<i>Глава 1.</i> Эбуген	87
<i>Глава 2.</i> Непобедимый, Пес-Людоед Живого Бога	109
<i>Глава 3.</i> Нишань-Удаган	126
<i>Глава 4.</i> Чурыня	142
<i>Глава 5.</i> Сеча у Игнач-креста	165
Примечания и комментарии	200

Тем, без кого не было бы этой книги: Хозяину.

Евпатию по прозвищу Коловрат.

Московскому поэту Сергею Калугину и ижевскому поэту

Андрею Горшунову.

*Доброславе, Божене, Раките, Богумилу и прочим
родноверам и родноверкам Рязани.*

Искре — за то, что терпела.

Беде — за то, что пинала!

Удары сердца твердят мне, что я не убит.
Сквозь обожженные веки я вижу рассвет.
Я открываю глаза — надо мною стоит
Великий ужас, которому имени нет.
Они пришли как лавина, как черный поток,
Они нас просто смели и втоптали нас в грязь,
Все наши стяги и вымпелы вбиты в песок,
Они разрушили все. Они убили всех нас...
И можно тихо сползти по горелой стерне,
И у реки, срезав лодку, пытаться бежать,
И быть единственным выжившим в этой войне,
Но я плюю им в лицо, я говорю себе: «Встать!»...
Я вижу тень, вижу пепел и мертвый гранит,
Я вижу то, что здесь нечего больше беречь,
Но я опять поднимаю изрубленный щит,
И вынимаю из ножен свой бессмысленный меч...
Я знаю то, что со мной в этот день не умрет:
Нет ни единой возможности их победить,
Но у них нету права увидеть восход,
У них вообще нет права на то, чтобы жить!
И я трублю в свой расколотый рог боевой,
Я поднимаю в атаку погибшую рать,
Я кричу им: «Вперед!», я кричу им: «За мной!».
Раз не осталось живых, значит — мертвые, встать!

С. Калугин

Часть I

ЕВПАТИЙ

Глава 1

МЕРТВЫЙ ГОРОД

Несть бо ту ни стонюща, ни плачюща,
И не отцу и матери о чадах
Или чадом о отцы и матери,
Ни брату о брате, ни ближнему роду,
Но вси вкупе мертвы лежаша¹.

Они опоздали.

Это стало явным, когда еще не показалась из-за бора гора над Окой, на которой стоял их город. Девственно чистым было зимнее небо над лесом. Ни одного печного дымка.

Когда дружина выехала из-за бора, глазам гридней² — своих и невеликой черниговской подмоги — предстал черный, обугленный горб горы.

Вскоре они увидели первых мертвецов. Это были мужики, бабы, дети, старики со старухами. Те, кого гнали перед собой на стены враги³, те, кто должен был волоочь к стенам своего города стеноломную, камнебойную смерть. Те, кто, увидев, куда и зачем их привели, бросились с голыми руками на чужаков или просто спокойно опустились в снег: убивайте, мол. А дальше нейдем.

Их было много — десятки, может быть и сотни. В другое время воевода склонил бы голову над их последней отвагой. Сейчас он ехал мимо с пустым сердцем, ибо тщетной была эта отвага. Не спасла она города над Окой.

Потом, у самих стен — у того места, где были стены, — на раскатах⁴ он увидел остальных. Тех, кто все-таки шел на град впереди врага. Что они кричали землякам, сородичам на стенах перед смертью? Умоляли не стрелять, загораживаясь трясущимися руками? Или, наоборот, смерти просили?

В другое время воевода задумался бы о слабости человеческой. А сейчас сердце его было пусто, ибо он сам оказался слаб — слишком слаб, чтобы защитить родной город или хотя бы умереть вместе с ним...

Поднимались меж пепелищ по заваленному телами взвозу. Копыта коней выстукивали «опо-зда-ли, о-по-зда-ли».

Кричи теперь, что мчался изо всех сил. Что спал в седле на ходу. Что разлетались под копытами сугробы, трещал речной лед за спиной и в страхе бежали прочь, забыв зимнюю лютость, серые стаи. Что, если бы еще быстрее, не сдюжили б кони и дружина заснула бы посреди зимних лесов вечным сном...

Кричи! Что кричать, кому?

Старику, сжавшему в руках половинки разрубленной иконы?

Распятой посередь двора голой малолетке со смерзшимися в мутные льдинки на посерелых щеках слезами боли, стыда и смертного страха?

Кузнецу, чью семью настигли посреди улицы, ведущей к воротам детинца, что в последние мгновения видел: гибнет напрасно, никто не ушел — ни жена, ни дочери, ни младшенький, прикорнувший в алой луже под тыном?

Кому, воевода? Может, вот этому псу, лежащему у ворот рядом с хозяином, утыканному стрелами, но успевшему — морда в крови — дотянуться до чьей-то глотки?

Пес сумел — не защитит, так хоть честью погибнуть. А ты, воевода, не сумел. Вот и весь сказ. Вот и весь суд...

Собор высился над пеплом и углями Крома. Белокаменные стены закоптили на две трети, но последняя, верхняя, сияла под солнцем незапятнанной белизной. И радостно сверкали медные купола.

Медью были окованы и ворота собора. Закоптелой, оплавившейся, покореженной медью. Сюда не волокли стенобойных машин и таранов. Ворота выставили бревном — тяжелой и длинной кремлевой сосной, вывернутой из полусгоревшего дома. Оно и сейчас лежало рядом — с разбитым, измочаленным комлем.

Только здесь, у разбитых дверей собора, воевода вдруг понял, что все это время в нем жила, копошилась подленькая надежда: мол, все обошлось, успели, уехали в лесную деревню...

Наверное, ему надо было гордиться. Когда подалась и рухнула искореженная медь соборных ворот, его сыновья не стали прятаться за материны юбки. Кинулись навстречу лезущим в пролом смуглым косоглазым убийцам. Воевода знал своих сыновей — не за так они отдали свои жизни. Свалили одного, а то и двух перед тем, как сверкнула в глаза кривая сабля, погасив мир, в котором они не успели пожить.

Но для гордости не было места в опустевшей душе, и лишь на дне еще скреблась в последних судорогах надежда: «Они... одни только они... сбежали по дороге от матери, пришли сюда...»

Рука лежала в стороне от груди тел. Рука, перерубленная в запястье, — торопившийся чужак решил не возиться с застежкой серебряного обручья⁵. Тонкие, нежные

пальцы сжались в детски беспомощный кулачок, и грабители не стали нагибаться, чтобы содрать с одного из них простенькое обручальное колечко. Воевода опустил на колени над этой рукой, осторожно коснулся ее. Помнишь, спросил он без слов, помнишь, вот здесь, перед алтарем, я надел тебе это кольцо?..

Сам он пытался вспомнить — и не мог. Вот здесь, здесь не могло быть этого... здесь прокравшаяся в разбитую дверь поземка стелилась между грудями окоченевших тел. Здесь свет угасающего дня равнодушно скользил по мертвым, покрытым сажей и кровью лицам — и безмятежно-благостным ликам на стенах.

— Брате Еупатий⁶...

Он не сразу понял, что окликают его. Оглянулся.

Черниговский воевода Феодор⁷ стоял рядом, глядел с суровой жалостью... У него еще были силы жалеть.

— Брате Еупатий, — повторил он, склоняя к воеводе иконописно красивую темноволосую голову. — Не позволяй скорби и отчаянию овладеть собою. Тем утешься, что одноземельцы твои мученический венец приняли и ныне одесную⁸ Христа в царствии Его воссели.

Воевода почти удивился своему спокойствию. Нет ничего больнее утешений того, кто ничего не терял. До чего ж он дошел, если правильные, красивые, ровные и гладкие, словно жемчуг, слова Феодора скатывались по его душе бесследно, не вызывая ни досады, ни гнева.

Он встал, развернулся, двинулся к разбитым дверям, миновав черниговца, словно место пустое. Перед собором, в белокаменной арке с луковкой наверху, висел колокол. Его чужаки почему-то не тронули.

Воевода подошел к нему, взялся за веревку, с хрустом отодрав от земли нижний конец.

— Ба-а-ам! Ба-а-амм! Ба-аммм!!!

Голос колокола несся над мертвым городом. Не голос бирюча⁹, зовущего на вече, или князя, собирающего в поход. Стонущий крик матери на пепелище...

«Отзовитесь! Кто-нибудь! Кто-нибудь! Кто еще жив?! Хоть кто-нибудь!!!» — надрывался колокол.

Его голос улетал в бескрайние просторы заснеженных лесов под темнеющим небом, над пожарищами и побоищами... И не порождал даже эха. Мертвая тишь висела над мертвым городом, над спаленными дворами и замощенными телами площадями и улицами.

Глагола ей юноша:

«Вижу тя, девице, мудру сущу.

Повежь ми имя свое».

Она же рече...¹⁰

— Чего гремишь, спрашиваю? — расслышал вдруг воевода женский голос. Веревка выскользнула из враз ослабших рук, последний раз крикнул и смолк, словно осекшись, колокол.

Сперва он подумал, что перед ним старуха. Седые волосы в беспорядке падали с непокрытой головы на плечи. Морщины пролегли у краев рта, у глаз. И глаза — такие пустые, безнадежно усталые глаза могут быть лишь у древних-древних старух.

Потом он узнал ее. Кто-то внутри воеводы испуганно ахнул. Когда он уходил за помощью, она стояла на крыльце государева терема в толпе женщин, прижимая к себе детей. Ей тогда не минуло тридцати. Когда же это было? Месяц назад.

Целую жизнь назад.

Жена одного из родичей и подручников государя, кажется, Муромского державца¹¹... Вдруг всплыло имя.

— Княгиня Февро... — начал он, склоняя голову¹².

— Замолчи! — Пустые глаза не вспыхнули, но холод и тьма хлестнули из них. — Замолчи, воевода, не поминай мне этого имени... дорогонько мне встало имечко, дорогонько — не поднять цену ту лесной глупой бабище...

Княгиня качнула седыми, как поземка, волосами, и, как поземка, пронизывал взгляд досуха высохших глаз.

Тут только воевода понял, заметил, что почерневшее от холода тело княгини едва прикрывают лохмотья — задубевшие, вымазанные в золе и саже, вымокшие в крови остатки длинной льняной рубахи. Он хватанул застежку плаща рукой в латной перчатке, нетерпеливо стряхнул ее в снег — словно на бой кого вызывал обычаем заходных¹³ бойцов.

Только кого тут было звать? Своих гридней? Черниговцев? Мертвецов? Или эту женщину с заиндевевшими глазами?

Воевода совладал наконец с застежкой, накинул подбитый мехом плащ на узкие плечи, застегнул. Из пустых глаз в упор, в лицо пахнуло стужей. Синие губы шевельнулись:

— Не пекись обо мне, воевода. Не помру я — не про меня это счастье. О своих подумай — застынут ведь.

Повернулась, прошла несколько шагов, кроша босыми пятками розовый наст. Обернулась.

— Пойдем, что ли...

...Страха не было. Было... пожалуй, было облегчение приговоренного, щурящегося отвыкшими в порубе¹⁴ от света глазами на два столба с перекладиной и неторопливо мылящего веревку ката¹⁵. Больше нечего бояться. Все ясно, все видно, скоро все кончится...

Может, так. А может, душа просто глохла и немела, не в силах поверить, что неторопливо, по-хозяйски заливающее окрестности города мутное, вонючее половодье вражьего войска — явь. Не ночная мара¹⁶, не наваждение. Злая, страшная явь.

Хруст снега под мохнатыми копытцами низеньких лошадемок и огромными колесами, ржание, скрип тележных осей, рев быков и верблюдов, свист бичей над простоволосым сермяжным стадом, волокущим деревянные чудовища к стенам города, стоязыкий гомон — все слилось в один невнятно обрекающий, давящий к земле, к дощатым настилам заборол¹⁷ рокот.

На дальнем холме вспух белый шатер, над ним хлестнуло девятью хвостами воздух черно-белое знамя. Замерла между ним и стеною деревянная нежить, несыто тарашась на город щелями прицелов-бойниц. А орда все текла, текла, текла, вскипая бурунами на балках-яругах, переплескиваясь по льду через Оку на другой берег, к озерам, затопляя брошенные жителями пригородные селенья — Ольгово, Клементово, Чевкино, Шатрище...

Молодая княгиня стояла на надворотной башне, прижимая к груди маленькую хнычущую Елену. Елена не хотела быть на надворотной башне. Ей было скучно. Ей было холодно. Она хотела домой, хотела теплого сбитня с пряниками, хотела играть с полосатой пушистой Ярункой.

Хныканье дочки доносилось до княгини словно сквозь невидимую стену. В свободную руку впился мертвой хваткой насупившийся Константин. Муромскому наследнику было десять лет. Он не хныкал. А влага на щеках — это снег таял. Он понимал, что отец, перед походом потрепавший его по голове и сжавший плечо, отец, не оборачиваясь ушедший за дедом — за Государем! — в белые зимние поля, уже не вернется. Никогда. Слово «никогда» княжич Константин понимал плохо, медленно. Дурное, длинное, бабье слово. Мужские слова, они короче. Долг. Мечь. Бой.

На губах княгини стыл немой крик. А в глазах все стояла темная опочивальня. Спящий муж — ладушка, ненаглядный, единственный... а она бормотала, бормотала,

страшась разбудить и не в силах уснуть, все пыталась из гнилых нитей мертвых слов сплести кольчугу заговора. Все отказывалась поверить — Сила ушла навсегда. Знать и не мочь — страшная месть отступнице. Для него, ведь все для него. Ей сказали — хочешь быть с ним, пойти под венец — забудь, навеки забудь лесную волшбу, бесовские кощуны, поганых кумиров¹⁸. Забудь имя, нашептанное по-витухой в закоптелой баньке¹⁹ лесной веси Ласково²⁰, под возню обдерих²¹ под полком и злой визг голодных удельниц над высланной мхом крышей²². Новое имя — вот плата. Не за княгинин венец, не за аксамитные²³ платья-летники²⁴ да собольи шубы, не за хоромы белокаменные — за счастье всегда быть рядом с ним. Глаза в глаза, рука в руку, сердце в сердце. Новое имя — цена счастья. Новое имя, отнявшее переданную когда-то в той же баньке²⁵ в глухую ночь на Карачун²⁶ Силу.

Она же могла, могла, могла! Вот сейчас вспомнит нужное слово, приставит другое — и ляжет на эту широкую, сильную, любимую грудь, мерно дышащую во сне, незримая, невесомая броня — крепче камня горячего, легче тенет паучьих...

Нет. Могла та, другая. Не княгиня. Та касалась — и зарастали без следа розовой детской кожицей страшные раны. Роняла слово — и сворачивала с пути тяжелая лютой грозой черная туча, обходя жатву-страду стороною. Взмахивала рукою — и метался по поляне визжащим, рассыпающимся прахом клубком злобный шатун-мертвяк. Она, другая, могла. Когда-то могла. Пока не захлебнулась в холодной воде купели — купели, родившей княгиню. А княгиня не могла ничего. Даже защитить его. Или его детей. Ведь чего проще — несколько слов, несколько движений рук, пригоршня перышек да тройка узелков — и полетит над теремами и стенами пестрая сорока с двумя сорочатами, полетит в глухую лесную чащобу, куда никогда не добредут хмурые мохнатые лошаденки чужаков...

Нет! Слова умирали на губах, осыпались пеплом, расплзались, не сплетаясь, наузы²⁷, и перья были просто горсткой сора.

Но ее дар не совсем угас. Она слышала, как скулили в подпечках, конюшнях, баньках в смертной тоске маленькие Хозяева. Она слышала, как стонет от боли и ужаса вырванная из зимнего сна Мать-Земля. И глядя в суровые, спокойные, любимые глаза, она видела...

Лучше бы ей ослепнуть.

Приговор, страшная кара отступнице — знать и не мочь. Так ей казалось.

Дурица! Глупая лесная баба! «Страшная кара»!

Ведь еще ничего даже не началось...

От орды отделились всадники, помчались к воротам — в седых песцовых шапках, в серой чешуе лат поверх синих, как зимнее небо, чапанов. И еще один — грузный, некрепко держащийся в седле, по стеганому кафтану разметалась окладистая сивая борода.

Бородач остановился на взгорбке у ворот, и смуглые всадники в седых шапках потекли вокруг взгорбка неспешным хороводом.

Противусолонь²⁸.

Каждый из них держал в правой руке что-то лохматое, круглое, некрупное. Выезжая к воротам, всадник разворачивал ношу к бойницам надвратной башни, несколько мгновений медлил, кидал на снег и лез в седельную суму за следующей.

Первая ноша летела уже на снег, и с неожиданно тоненьким детским всхлипом оседала на руки ближних боярьнь да сенных чернавок свекровь-Государыня Агрепена Ростиславовна²⁹, когда княгиня поняла.

Головы. Отобранные кем-то, знавшим в лицо, головы князей, воевод, бойцов, надежи, заступы, узорочья³⁰ города над Окой. И первой упала в снег не потерявшая и в по-

смертном унижении властного покоя седая голова великого князя Юрия Ингоревича³¹. Свекра-батюшки. Государя. И рядом с ней, словно — даже сейчас! — стараясь укрыть, поддержать, защитить — братья. Сыновья. Внуки. Племянники. Старые думцы³²-бояре...

Заледеневшие глаза. Смерзшиеся волосы. Синие щеки. Черные губы.

А бородач кричал. Кричал о страшной каре Господней тем, кто в безумной гордыне вздумал своей брэнной рукой остановить десницу гневного Вседержителя³³. О праведном царе Иоанне³⁴, рекомом Батый, сулящем, даже сейчас, невиданную милость жителям непокорного города...

И оцепенев, внимали горожане голосу человека, недавно спешно покинувшего еще не обложенный врагом град. Голосу, что с амвона Успенского собора годами наставлял их в вере и благочестии. Голосу своего епископа, звучащему не из-под митры или клобука — из-под нерусской хвостатой шапки³⁵.

...Великую милость сулил праведный царь Бату, истинный новый Давид, посланный наказать погрязшую в гордыне и двоеверии³⁶ землю. Если без боя сейчас открыть ворота — многим будет дарована жизнь. В первую голову искусным ремесленникам, детям, не переросшим высокую ось ордынских телег. И, ясное дело, женщинам. Женщин же княжьего рода берет праведный царь под свою могучую руку.

Свояченица, княгиня Евпраксея, совсем еще юная, что стояла на самом краю бойницы, прижимая к себе захлебывающегося криком первенца, замороженно вглядывалась в растущий у ворот курган. Может, так же, как и она сама, безумно боялась пропустить, не узнать, не встретиться в самый последний миг глазами. Ее муж, Федор Юрьевич, был наследником Государя и вел сторожевой, передний полк. При последних словах епископа-толмача